

Цветы груши

Точно уже и не вспомню, сколько лет прошло с тех пор, но как-то раз ко мне пришел торговец саженцами. Средних лет, глаза навывкате, черты лица неправильные. Но неприглядный вид торговца не отбила у меня охоту купить у него саженец груши, ведь кто сказал, что для торговли деревьями важна внешность. Чего только не было в его груженной тележке: и хурма, и персики, и абрикосы – все без исключения фруктовые деревья, хотя почему только фруктовые, я не знаю.

Я где-то слышал, что в декоративном садике перед домом их не сажают, но не такой у меня был сад, чтобы сильно печься о его внешнем виде. Честно говоря, грушу я купил вовсе не ради плодов, я хотел увидеть ее цветение. Очень давно я прочел «Песню вечной печали» Бо Цзюйи¹, и мне запомнилась строчка о горько плачущей на горе Пэнлай² красавице Ян-Гуйфэй³, которую поэт сравнивал с веткой груши, омытой дождем⁴. Я никак не мог представить себе печальный образ той, в ком «всей войны причина», ведь, к сожалению, никогда не видел, как цветет груша. Но сравнение отчего-то пришлось мне по душе, вот я и решился на покупку. Умытая весенним дождем ветка цветущей груши, должно быть, полна изящества.

После посадки я с нетерпением стал ждать, когда зацветет это тоненький саженец, не больше четырех-пяти сяку⁵ в длину. Но как бы мне ни хотелось поскорее полюбоваться цветами, не в моих силах было заставить дерево расти быстрее. Через некоторое время несколько веток все же разрослось, и я стал надеяться, что на будущий год смогу увидеть цветы. Однако как-то раз ко мне зашел старик-садовник и без моего ведома их подрезал.

— Вы ветки подрезали, и теперь груша не зацветет.

— Верно ... но она же мешала другим деревьям. Да и вряд ли плодами разродится...

Когда я сказал, что груша нужна мне ради цветов, а не плодов, старик странно на меня посмотрел.

¹ Бо Цзюйи (772-846) - китайский поэт золотого века китайской поэзии – эпохи Тан.

² Пэнлай - один из трёх священных островов-гор в китайской мифологии.

³ Ян-Гуйфэй - героиня лирической поэмы Бо Цзюйи «Песня вечной печали». Прототипом героини стала Ян Тайчжэнь – наложница Сюаньцзуна, китайского императора династии Тан.

⁴ «Груша, омытая дождем» - образ из поэмы Бо Цзюйи «Песня вечной печали», сравнение с тоскующей красавицей:

Она была печальна,
пришла — и в тот же миг
вдруг слезы расчертили
ее прекрасный лик,
но оттого лишь стала
красивее лицом —
так хорошеет груша,
омытая дождем. (пер. с китайского А. Родсет, 2014)

⁵ Сяку - мера длины, 1 сяку = 30,3 см.

Мне показалось, что он не питал теплых чувств к моей груше, то и понятно, не он ее выращивал.

Прошло сколько-то лет, и однажды весной на моей груше появились редкие белые цветки. Оттого ли что их было так мало, они казались совсем сиротливыми. Но пусть они были скудные и мелкие, я все же был счастлив оттого, что груша цвела. Выпивая по вечерам, я смотрел на несколько одиноких цветков, белеющих в сумерках. Мне казалось, что в предзакатном свете в них, несмотря на скромность, есть свое изящество. С тех пор груша цвела каждый год, но отчего-то всегда скудно.

Как-то раз пошел дождь, и, вспомнив о Ян-Гуйфэй, я вышел в садик посмотреть на грушу. Намокшие цветы поникли, картина перед глазами обманула мои ожидания. Расцвели они несколько дней назад и, судя по всему, уже начали увядать. Вид у них был жалкий, и сколько ни пытайся, образ изящной плачущей красавицы разглядеть в них не получалось. Через некоторое время в связи с перестройкой дома пришлось пересадить грушевое дерево. Сезон для пересадки оказался неподходящий, и оно засохло. За год до этого груша разродилась тремя крошечными размером с грецкий орех плодами – и это был ее прощальный подарок.

Март 1973

Белая рисовка

Как-то раз я попросил у своего приятеля N., любителя комнатных птиц, камышовку, и через некоторое время он ее принес. Со словами: «А вот это бонус», он вручил мне еще одну птицу.

— Это что, зяблик?

— Нет, белая рисовка. У этого птенца окрас местами темный. Когда он подрастет, станет белым, как снег, а клюв еще больше покраснеет.

Услышанное не произвело на меня впечатления. Когда тебе сообщают, что ты получаешь «бонус», это в принципе не вызывает особых чувств. Ведь, когда к покупке прилагается бонус, никогда не ждешь, что он по качеству превзойдет саму покупку. Быть может, именно поэтому я по началу недооценил «бонусную» рисовку.

Я очень ждал переливчатого пения камышовки – «виюууу-тью-тью-тьют», но она, к сожалению, вскоре умерла, прожив у меня совсем недолго. Я не знал, отчего она умерла, но с мечтой слышать ее пение пришлось распрощаться, что тут поделаешь. Оставшись одна, «бонусная» рисовка вдруг сделалась в доме важной птицей. Будто статист, получивший главную роль.

Белая рисовка считается птицей ручной, и было похоже, что она принимает своего хозяина, может и не за равного, но точно за товарища для игр. Стоило мне отвлечься от нее, как она сразу же принималась настойчиво щебетать, требуя внимания. Протягиваешь ей руку, она тут же забирается на ладонь, оттуда на плечо и давай тюкать в ухо. Щекотно так, что сил нет. В такие моменты приходилось прикрикивать на нее: «Эй, многовато ты себе позволяешь!».

Стоило ее отчитать, как рисовка принималась щебетать, крутить головкой и заглядывать черными глазами в лицо. Ума не приложу, что она пыталась этим сказать.

Рисовка скучает в одиночестве, поэтому ее нужно поместить туда, где она сможет видеть людей, подсказал мне приятель N., и я поставил клетку на обеденный стол в гостиной. Как правило, дверца клетки была открыта, поэтому рисовка могла вылететь наружу. Прыгая по столу, она оставляла за собой помет, забираясь на клетку, чистила перья.

Как-то ко мне пришли гости. Выпивая, мы оживленно переговаривались в соседней комнате, как вдруг из коридора донеслось хлопанье крыльев, и рисовка влетела в нашу комнату, всех порядком удивив. Не то, чтобы она просилась к нам в компанию, но, похоже, ей нравилась шумные места. Хлопоты доставляло лишь ее плохое поведение, она разбрасывала по столу пшено из кормушки. Мне пришлось достать большой плоский поддон и на него поставить клетку, чтобы рисовка раскидывала пшено по поддону.

К нам уже давно повадился дикий голубь, когда кто-то из домашних выбрасывал пшено из поддона в сад, тот с аппетитом его склевывал. К голубю все привыкли, и он по-свойски залетал прямо в дом, если дверь была открыта. Раньше я кормил его с руки льяными семечками, но последнее время мне надоело, и я это дело забросил.

Как-то раз к нам прилетел голубь, склевав пшено в саду, он через веранду проник в столовую с таким видом, будто хотел подкрепиться еще. Взяв пшено из кормушки рисовки, я рассыпал его по полу, и голубь принялся его деловито поклевывать. Мне подумалось, что надо бы представить голубю рисовку, и я спустил ее со стола на пол недалеко от гостя. Поначалу рисовка, казалось, пришла в замешательство, но вскоре стала прыгать вокруг него, «прыг-скок».

Но через некоторое время она, кажется, сообразила, что голубь клюет ее пшено, надулась и, повернувшись к голубю, который раз в десять был больше ее, приняла угрожающую позу. Выглядело это забавно. Но к моему удивлению она на этом не остановилась и стала атаковать голубя. Голубь, обескураженный агрессивным поведением рисовки, еще поклевал на ходу пшена, но, в конце концов, сбежал из столовой.

Июль 1975

Илистый голец

Как-то раз жена вернулась с покупками и сказала:

— Я купила гольцов.

По словам жены, она не то, чтобы любила эту рыбу, но увидеть ее в продаже такая редкость, что она не смогла сдержаться. Я пошел на кухню и с любопытством заглянул в раковину, где в большом котелке энергично извивались черные рыбы с усами. Жена предложила приготовить янагаву⁶, так что гольцам вскоре предстояло окончить свой земной путь в кастрюле. Размышляя об этом, я решил отпустить нескольких в пруд.

Если соблюдать все формальности, мне, наверное, следовало бы выяснить, что они предпочитают, свариться в кастрюле или отправиться в пруд, но спросить их об этом я не мог. А если бы и мог, то все наверняка выбрали пруд, а не кастрюлю, и тогда мы с женой остались бы без обеда, а в маленьком садовом пруду кишмя кишело гольцами, о чем и подумать страшно. Поэтому я опустил формальности, вытащил самых резвых, штуки

⁶ Янагава – яп. блюдо, тушеная рыба или морепродукты, с овощами и яйцом

четыре или пять, и отнес их в пруд. Они тут же исчезли из виду, уплыв на дно. Не знаю, можно ли сказать, что им повезло, или нет. В пруду уже жили штук десять декоративных карасей, но поладят ли они между собой, я как-то особенно и не задумывался.

— Ну что, плавают там гольцы? — спросила жена.

— И след простыл....

Вдруг мне показалось, что я сделал какую-то глупость.

Наш пруд, в глубину не больше двух сяку⁷, был выложен кирпичом по периметру. На бетонном дне стояло несколько горшков с кувшинками, грунт из них постепенно вымыло, и он осел в самый низ, образовав илистый слой около двух сун⁸ толщиной. Судя по всему, в этот ил гольцы и зарылись.

Первые несколько дней мне было интересно, я то и дело ходил поглядеть в пруд, но за два-три дня рыба так и не показалась. К нам в гости пришла дочь, жена принялась рассказывать:

— А у нас в пруду гольцы.

— Правда? И где же они?

— Ну, их не видно.

Подобный разговор показался мне каким-то бессмысленным.

Как-то раз с приятелем мы пошли в додзё-я, ресторанчик в районе Фукагава, в котором подавали блюда из гольца, мы выпивали и закусывали, и вдруг я вспомнил свой садовый пруд и его обитателей. Если бы мы не пришли сегодня в этот ресторан, я бы и не вспомнил про них. Я рассказал приятелю о своих гольцах, на что он с озадаченным видом ответил, что и не знал, чтобы кто-то у себя разводил гольцов. Через некоторое время он добавил:

— В «Сельском учителе⁹» тоже ели гольцов.

«Сельского учителя» Таямы Катая я читал очень давно, и не помнил, чтобы там ели рыбу. Разве там был такой эпизод? По словам моего приятеля, главный герой произведения был болен, ему требовалось усиленное питание, поэтому он каждый день разделял гольцов и тушил их с яйцом. Услышав его рассказ, мне показалось, что я начинаю что-то припоминать. Я восхитился тем, как хорошо он помнил повесть, но оказалось, что ему недавно по какой-то надобности пришлось перечитать ее. Возможно, именно поэтому он неожиданно предложил пойти в этот ресторанчик. В «Сельском учителе» было много названий растений, и наш разговор переключился на них, а мои илистые гольцы так и остались позабытыми в иле.

С того момента, как я выпустил их в пруд, прошло, наверное, около года. В тот день лил сильный дождь. Когда он закончился, я вышел посмотреть на сад и увидел, как на земле извивается что-то черное. Гольцы ведь ни разу и не показались с тех пор, я абсолютно не помнил про их существование.

⁷ Сяку – мера длины, 30,3 см

⁸ Сун – мера длины, 3,03 см

⁹ «Сельский учитель» (1908) - повесть Таямы Катая

— Ой-ой, что это? – спросил я у жены, но ее ответ меня крайне озадачил:

— Так ведь это гольцы.

Видимо, когда пруд переполнился дождевой водой, их вынесло на землю. До этого момента я не знал, живы ли они, или нет, а, возвращая обратно в воду, радовался, что они все же оказались живы.

Прошло еще какое-то время, и вот в один погожий день я вышел во двор, услышав громкий крик жены, звавшей меня. Я увидел, что один голец наконец-то показался над водой. Высунувшись наружу, он встал торчком, покачиваясь и наклонив голову к воде. Наверное, его привлекла хорошая погода. Осмотревшись, он перевернулся хвостом вверх, также раскачиваясь из стороны в сторону, и снова исчез под водой.

— Все же гольцы симпатичные, - с восхищением сказала жена.

Я собирался было поругать ее за, то, что она так раскричалась из-за какого-то гольца, да так и забыл. Может, я и сам признал, что гольцы симпатичные создания.

Февраль 1977

Головастики

Прошлой весной, кажется, в середине марта, в моем садовом пруду, окруженном кирпичной площадкой, жаба впервые отложила икру. Я много раз видел жаб у себя в саду, но до этого они ни разу не откладывали икру. Узнать, почему они решили оставить потомство именно в том году, я смог бы, лишь спросив их.

Как-то мы беседовали с молодым приятелем, заглянувшим в гости.

— О, у вас тут жаба с малышом. Ничего себе! — сказал он с удивленным выражением лица.

На углу площадки у пруда, взобравшись друг на друга, неподвижно сидели две жабы, я даже не заметил, как они появились. Маленькая жаба залезла на большую. Мне показалось забавным, что мой приятель назвал их жабой с малышом. Наверное, он вспомнил строчку из песни про черепаху, которая катала черепашонка на спине¹⁰, именно поэтому назвал их родительницей с малышом.

— Да, вот так с самого утра ползают тут, а потом забираются в воду.

Мы вдвоем смотрели на жаб в пруду, а между тем ко мне пришел еще один друг и, с любопытством посмотрев на жаб, сказал:

— Так это случка.

Два моих молодых гостя дружили между собой.

— Так это не жаба с малышом?

¹⁰ Строчка из песни про черепах, которая была популярна в 1960-1970-е годы в исполнении группы комиков Nonsense Trio

— Это самка и самец.

— Вот оно что..., — протянул мой первый гость.

Через некоторое время я вновь посмотрел на пруд, но жабы куда-то делись.

Вид у жаб неповоротливый, движения медленные, но, бывает, что исчезают мгновенно, только их и видели. Заметишь их в саду, только подумаешь: «Ага, вот и они!». Отойдешь ненадолго, а их уже нет. Должно быть, они уползают куда-то недалеко, но сколько не ищи, все равно не найдешь. Странно, что они исчезают настолько внезапно. Может быть, они – ниндзя, знакомые с искусством маскировки?

Появлялись они также неожиданно. В углу моего сада когда-то давно росли густые кусты малины, как-то раз я потянулся, чтобы сорвать красную ягоду, которыми была усыпана ветка, как что-то вдруг ткнулось мне в палец. Я очень удивился, увидев жабу, с важным видом сидящую в малиннике. Сначала я подумал, что-то ударило меня по пальцу, но, возможно, мою руку лизнули. Не знаю, что она хотела продемонстрировать мне этим жестом. Вряд ли она так меня поприветствовала.

Когда на следующий день после визита моих молодых гостей я проснулся, жена сказала, что жаба отложила икру, и я тут же побежал к пруду, чтобы впервые в жизни увидеть это своими собственными глазами. Я увидел длинную прозрачную желеобразную нить, внутри которой были темные икринки диаметром около двух сантиметров. В пруду были притоплены горшки с кувшинками, в один из них жаба отложила несколько витков нити с икринками, которая тянулась к соседнему горшку. Сложно представить, какова была длина этой нити. Пруд стал каким-то неопрятным, и меня это совсем не радовало, но что поделаешь, пришлось оставить все, как есть.

Я уже забыл, сколько с того дня прошло времени, но как-то раз я увидел, что мой крошечный пруд наполнился головастиками. Черная мелюзга сновала по пруду. Я подумал, что будет, когда они все превратятся во взрослых жаб. От этой мысли мне стало не по себе. Наблюдать за одной-двумя жабами даже интересно, но что я буду делать, если они заполнят небольшой сад, и шагу будет ступить некуда? Наблюдая за картиной, я чувствовал уныние в душе.

Тем временем у головастиков появились лапы, они стали напоминать лягушек, я даже видел как-то раз, как они один за другим вылезают из пруда, но после этого в саду они мне так ни разу и не попались на глаза. К счастью, в итоге мой сад не кишит кишмя жабами, но куда же они делись, неужели все сдохли? В сад часто прилетали синички и другие небольшие птицы, и я решил, что, наверное, это они и переклевали маленьких жаб.

В этом году цветы в саду распустились дней на семь-десять позднее, чем в прошлом, да и жабы тоже припозднились, парочка появилась уже ближе к концу марта. Мелкая жаба все также сидела на большой, были ли это те же, что и в прошлом году, я не знал. Несколько раз, большая жаба с маленькой на спине, пыталась забраться на край площадки, но каждый раз падала, зрелище было жалкое. Я взял ненужные кирпичи, сделал из них лесенку, и жабы, наконец, смогли выползти на площадку.

В этом году в пруду снова плавают много головастиков. Иногда я захожу посмотреть на них, однако, может быть оттого, что я легкомысленно отношусь к появлению большого количества жаб в своем саду. В отличие от прошлого года, я смотрю на них спокойно.

Апрель 1978

Скворечник

Когда-то давно у меня в саду на ветке висела кормушка из колена бамбука, и я клал в него кусочки говяжьего жира, который с удовольствием клевали прилетающие синицы. По всей вероятности, они прилетали парами, и пока одна синица клевала жир, вторая прыгала на соседней ветке, прыг да скок. Из-за того, что прилетали они по двое, я и решил, что это были пары, но понять, кто из них самец, а кто самка, не мог. Мне когда-то рассказывали, как их различать, но я был тогда пьян, и потому совершенно забыл. Да и не то, чтобы очень хотелось узнать.

В течение долгого времени за кусочками жира к кормушке прилетали в основном синицы, но в какой-то момент его почему-то стали есть воробьи и дрозды, которые раньше не обращали на него внимание. Как-то раз жена сказала:

— Смотри, воробей ест говяжий жир.

Не может быть, подумал я, но, когда посмотрел на кормушку, с удивлением обнаружил, что на ней действительно сидит воробей и клюет корм. Я еще больше удивился, когда дрозды прогнали синиц, захватили кормушку и с важным видом стали там хозяйничать.

Может, увидев, с каким аппетитом уплетают синички корм, дрозды заинтересовались и решили продегустировать его, а может быть и нет, но, как ни странно, они к нему пристрастились.

Только вот с дроздами воробей делиться не собирался. Своим длинным острым клювом выхватил целиком кусок говяжьего жира из бамбуковой кормушки и был таков. Это было глупо, он только хлопот всем доставил.

— А я-то думала, куда жир пропадает, теперь понятно ..., — жена тоже была недовольна.

Я не знал, считали ли дрозды говяжий жир вкусным или нет, но мне показалось, что они выглядели довольными тем, что отобрали еду у синиц. Я терпеть не могу, когда кто-то нарочно делает пакости. Хорошо бы выгнать этих прохвостов-дроздов, но тогда другие птицы могут понять меня неправильно, это было бы нехорошо.

У меня во дворе еще была сделана кормушка, в которую я насыпал рис и хлебные крошки для голубей и воробьев. По совету друга я наполнил ее семечками подсолнечника, так синицы стали предпочитать их говяжьему жиру, и они сделались их любимым лакомством. Они садились на кормушку, брали в клюв по семечке и улетали вглубь сада, где, придерживая семечку обеими лапами, деловито тюкали клювом по твердой коже и, расплющивая ее, съедали середину.

Когда я насыпал подсолнечник, прилетели еще и зеленушки, которых я тут раньше не видел. Я совершенно не понимал, чем подсолнечник в кормушке в крошечном саду так привлек зеленушек. Обычно они прилетали по пять, по шесть птиц, садились на кормушку и принимались то резвиться, то драться. В драке они подлетали, их перья отливали зеленью, и это было красивым зрелищем. Вдруг появился дрозд, уселся на кормушку и свысока обвел окрестности взглядом, но как бы он ни важничал, ухватить семечку клювом ему никак не удавалось. Вскоре ему это наскучило, и он куда-то упорхнул.

Как-то раз я рассказывал про птиц, прилетающих в сад, и услышавший это приятель подарил мне скворечник. Он сказал, что его сделал знакомый мальчик.

— Ну как? Хоть он и простой, но добротный.

Приятель с гордостью отдал мне скворечник, крепко сколоченный из некрашеного дерева, который действительно оказался отличной вещью. Я сразу же прибил его к стволу кедра во дворе и стал ждать, когда же синицы утроят там гнездо. Я написал «аренда» на бумажке и хотел было наклеить ее наискосок на скворечник, но передумал, решив, что это может показаться странным.

Я слышал, что синицы могут свить гнездо, где угодно. Как-то я прочитал в газете, что в одном супермаркете в Синдзюку синицы устроили гнездо внутри каменного фонаря на крыше.

У меня есть знакомый, у которого в Ойвакэ в лесу есть загородный дом. Однажды летом он приехал туда и собирался открыть ставни, но обнаружил, что их заклинило. Он заглянул проверить, что же там такое, и увидел, что синицы свили гнездо в тобукуро¹¹. Хотя я слышал эту историю довольно давно, мне было приятно, когда перед глазами всплывала картина дома в лесу. Я как будто вижу Ойвакэ поздней осенью, синицы шумно щебечут на голых ветках, а вдалеке виднеется вулкан Асама.

По сравнению с каменным фонарем и тобукуро, скворечник казался мне гораздо более уютным и подходящим для жизни. Я не знаю, что думают по этому поводу птицы, но человеку, который вешает скворечник, хочется думать именно так. Я радовался, наблюдая, как синицы садятся на скворечник и забираются внутрь через окно.

— Ну как тебе дом?

— Совсем неплохо.

Мне казалось, что синицы переговаривались между собой примерно в таком духе. Они обосновались в скворечнике, и я был бы не против, если бы они завели птенцов. Однажды я бросил взгляд на скворечник и обомлел, увидев кошку, которая забралась на ветку над ним и, застыв, не сводила с него глаз. Вероятно, ее внимание привлекли снующие туда-сюда синицы, и теперь она сидела в засаде. Я рассердился:

—Эй! —злобно прикрикнул я на нее и выбежал во двор. Кошка запаниковала, испуганно сбежала вниз по кедру и слиняла. Наверное, это оттого, что я очень громко закричал.

— В чем дело? — выглянув, удивленно спросила жена.

Все мои мысли были о скворечнике, и я тут же забыл о существовании кошки, что было совершенно неосмотрительно, по-другому и не скажешь. Теперь даже если я наклею «аренда» на скворечник, жильцы там не появятся. Синицы ведь не глупые и не станут заводить птенцов в доме, на который ведет охоту кошка. Они, вне всякого сомнения, подумали, нет уж, спасибо.

Как я и предполагал, в этом году синицы не стали вить в скворечнике гнездо. И не только в этом году, но и после скворечник все также пустовал, и в него так никто и не

¹¹ Тобукуро – конструктивная особенность традиционного японского дома, пространство внутри стены для выдвигаемых ставен

заселился. Деревянный скворечник стал выглядеть старым, но он как-то оживлял сад, и, хотя жильцов в нем не было, я не собирался его снимать.

Года два-три назад, вроде бы осенью, я приставил лестницу к кедру и попытался снять скворечник. Что-то стукнуло внутри, и когда я с любопытством перевернул скворечник набок и потряс его, к моему удивлению из окошка, крутясь, выпал желудь. Кто же его туда положил? Для синиц он был слишком велик и не поместился бы в клюве, и я стал думать, может быть, это проделки дрозда-хулигана, который прилетел и оставил желудь тут. Помню, как мне было приятно получить этот осенний подарок.

Сентябрь 1978